

Свидетель эпохи исповедников веры. К столетию со дня рождения архиепископа Михаила (Мудьюгина)

Статья заместителя председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата протоиерея Николая Балашова опубликована в майском номере «Журнала Московской Патриархии».

В 2012 году исполняется сто лет со дня рождения выдающегося архиерея и богослова, с которым Русская Церковь простилась в последний год ушедшего XX века. Один из ярких свидетелей минувшей эпохи исповедников веры, профессор Санкт-Петербургской духовной академии архиепископ Михаил хорошо помнил священномученика митрополита Вениамина Петроградского, который незадолго до мученической кончины (†1922) посвятил его в стихарь. В памяти владыки сохранился проезд в Петроград святого Патриарха Тихона в июне 1918 года.

Михаил Николаевич Мудьюгин родился в Санкт-Петербурге 12 мая 1912 года. Отец его, чиновник Экспедиции заготовления государственных бумаг, ко времени революции был статским советником. В молодости Николай Александрович Мудьюгин был религиозным, но позже отошел от Церкви и вновь обратился к вере лишь за два года до кончины (†1938). А вот мать владыки всегда была ревностной православной христианкой и после революции, в годину искушений и гонений ее вера, кажется, вспыхнула еще ярче.

Вера Николаевна Мудьюгина (1874-1974) стала активным членом созданного в 1918 году Александро-Невского братства при петроградской лавре, священноархимандритом которой был владыка Вениамин^[1]. После ареста митрополита и многих других духовных лиц Вера Николаевна и ее подруги распространяли среди православных сведения о репрессированных, оказывали помощь семьям пострадавших, противостояли распространению «обновленческого» раскола. В 1922 году подверглась аресту и сама В.Н. Мудьюгина (была освобождена через месяц).

В Александро-Невской лавре маленький Михаил получил свое первоначальное религиозное образование: в возрасте девяти-десяти лет он учился здесь в церковной школе. С лаврой было связано множество детских воспоминаний владыки. Позднее он не раз делился ими с провожавшими его после лекций до станции метро студентами духовной академии; казалось, о каждом здании этой обители, о каждом дереве в лаврском саду у него найдется какая-нибудь памятная история...

В 1922 году власти закрыли лаврскую школу. Миша продолжал прислуживать в алтаре, читать и петь на клиросе в петроградских храмах: в Николо-Александровской Барградской церкви в Песках, где пребывала афонская икона Божией Матери «Скоропослушница», а затем в подворье староафонского Андреевского скита.

Родители позаботились об образовании мальчика. До 12 лет он учился дома — его старались как можно дольше не отдавать в школьную среду, пропитанную советской идеологией. К тому времени, когда Миша поступил в шестой класс, он самостоятельно изучал латынь, прекрасно музицировал (одновременно со школой он закончил музыкальный техникум). Игра на фортепьяно была любимым увлечением владыки Михаила в течение всей его жизни. А скрипку он принялся осваивать, когда ему было уже за 70, и добился успехов. Окончив в 1933 году Высшие государственные курсы иностранных языков, он получил диплом преподавателя немецкого. Этим языком владыка владел в совершенстве; кроме того, он прекрасно знал латынь и французский, владел английским, польским, а также финским и древнегреческим языками.

Вскоре после окончания школы 17-летний Михаил был арестован за руководство религиозным кружком. К тому времени советская власть уже запретила преподавание религии несовершеннолетним. Михаил и его друзья собирали и учили Священному Писанию подростков из христианских семей — православных, протестантских, католических. Тогда не знали вошедшего в употребление много позднее слова «экуменизм» (которого владыка, кстати сказать, никогда не любил), но несомненно, что уже юношеские годы Михаил Мудьюгин был приверженцем единения христиан, нужда в котором и святителю Тихону, и многим новомученикам послереволюционной эпохи представлялась такой очевидной перед лицом общей угрозы в лице воинствующего атеизма.

Девять месяцев провел Михаил в тюремной камере, где было размещено еще 20 заключенных. Спать приходилось временами то на полу, то на столе. Приговор несовершеннолетнему преподавателю Закона Божия оказался сравнительно мягким: три года ссылки условно. В советские годы — по понятной осторожности, а позднее — скорее всего, по своей скромности владыка мало рассказывал об этом времени своей жизни. Однако одним воспоминанием делился неоднократно. Долгое время ни у кого из обитателей камеры не было Евангелия, и Михаил истосковался по слову Божию. Наконец долгожданную книгу как-то удалось получить с воли. Предвкушая радость любимого чтения, юноша улегся с нею на тюремные нары. Прежде чем успел углубиться в глаголы вечной жизни, он услышал голос соседа по камере, пожилого католического священника: «Молодой человек! Эту книгу надо читать, стоя на коленях...»

Трепетное, благоговейное отношение к Священному Писанию архиепископ Михаил пронес через всю свою долгую жизнь. У него было редкостное знание Библии. Слово Божие жило в его памяти

и в его сердце. По самым разным поводам собеседникам владыки доводилось слышать из его уст тот или иной библейский текст, обыкновенно с точным указанием главы и стиха, который звучал как последний решительный аргумент, отводящий все сомнения. Он был удивительный человек, всегда мог указать богословское основание для решения, которое принимает. Увы, немногие христиане и даже священнослужители наделены подобной способностью, не все и испытывают потребность в ней.

В 20 лет Михаил женился на лютеранке Дагмаре Шрейбер, участнице того же круга христианской молодежи, за принадлежность к которому она, как и ее избранник, поплатилась арестом[2]. Впоследствии она приняла Православие и при совершении таинства миропомазания получила имя Марии. Знакомство с евангелическо-лютеранской традицией, приобретенное архиепископом Михаилом в ранней молодости, не только обогатило его опытом познания духовной жизни и богословия христиан Запада, но и оказалось впоследствии полезным для развития богословского диалога Русской Православной Церкви с протестантским миром: с 1967 по 1992 год архиепископ Михаил принимал самое деятельное участие в 24 официальных собеседованиях с делегациями теологов Евангелической Церкви в Западной Германии, Союза Евангелических Церквей Восточной Германии, Евангелическо-Лютеранской Церкви Финляндии и с реформатскими богословами. Кроме того, он многократно представлял Московский Патриархат на международных встречах, проводимых Всемирным советом церквей, Конференцией европейских церквей и другими межхристианскими организациями.

Преданность владыки Михаила идее христианского единства, его открытость к дружескому диалогу с христианами иных вероисповеданий была одним из проявлений его сосредоточенности на самом главном в христианстве. В центре его жизни был Христос; для владыки не было ничего дороже крестной любви Сына Божия к грешному человеку. Поэтому для него, пережившего тюремный опыт христианского братства, не был чужим всякий, кто во Христа верит и Его любит. Долгие годы владыка свидетельствовал христианам Запада о глубине и богатстве православной традиции. Многие благодаря этому свидетельству стали друзьями нашей Церкви, прониклись уважением к ней.

Однако свой трудовой путь будущий магистр богословия (в прежнем, не «болонском» достоинстве этой степени), почетный профессор духовной академии, доктор богословия *honoris causa* (университет Турку, Финляндия), член комиссии Священного Синода по вопросам христианского единства и межцерковных сношений (с 1993 года — Синодальной богословской комиссии) начинал в далеких от теологической мысли областях: чернорабочим Кировского завода, препаратором и лаборантом Дизельного института. После отказа в ленинградской прописке в 1933 году полтора года преподавал немецкий язык и химию в школе уральского городка Губахи. Попытка вернуться в родной город привела к новой высылке, и в 1935-1937 годах, после

некоторого периода безработной жизни в Новгороде, Михаил работал теплотехником на заводе «Красный фарфорист» в Чудове. Потом удалось перебраться в Пушкин, ближе к Ленинграду, устроиться конструктором на станкостроительном заводе, который в начале войны был эвакуирован. Так М. Мудьюгин снова оказался на Урале, а затем и в Новосибирске, где он, уже окончивший заочно Институт металлопромышленности, стал старшим инженером на заводе по производству гидравлических прессов. После войны появилась возможность вернуться в Ленинград. Работая в Котлотурбинном институте им. Ползунова, защитил в 1953 году диссертацию на степень кандидата технических наук и был избран доцентом Ленинградского горного института, где в течение четырех лет преподавал теплотехнику.

Однако не техническая карьера, а предстояние Престолу Божию было еще с детских лет заветной мечтой Михаила Николаевича. В 1955 году митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков; 1870-1955), который в 1930 году одновременно с Михаилом содержался в доме предварительного заключения на Шпалерной улице[3], благословил его готовиться к принятию духовного сана. М. Мудьюгин приступил к освоению курса духовной семинарии по дореволюционным учебникам под руководством протоиерея Михаила Гундяева (1907-1974), отца Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Вскоре, однако, митрополит Григорий умер, а его преемник опасался посвящать в сан чересчур заметного человека. Осуществить призвание Михаилу помог знавший его еще с 20-х годов, в бытность наместником Александро-Невской лавры, митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич), который и рекомендовал ставленника епископу Вологодскому и Череповецкому Гавриилу (Огородникову; 1890-1971), не раз рукополагавшему кандидатов, неудобных для атеистической власти.

В июле 1958 года доцент Мудьюгин уволился из Горного института, а 28 сентября был рукоположен в сан священника в вологодском кафедральном соборе Рождества Богородицы, где служил в течение двух последующих лет. Потом тяжелая болезнь жены, страдавшей туберкулезом, заставила его перебраться в Устюжну, красивый городок на западе Вологодской области с более сухим, чем в Вологде, климатом. Здесь, на кладбище близ Казанской церкви, он в августе 1963 года похоронил Дагмару-Марию.

Тихого молитвенника епископа Гавриила на Вологодской кафедре в 1959 году сменил Преосвященный Мстислав (Волонсевич; 1906-1978) — человек с нелегким нравом, по воспоминаниям служивших при нем вологодских клириков. В мае 1964 года недавно овдовевший священник Михаил Мудьюгин, благочинный западного округа Вологодской епархии, был уволен за штат. Впоследствии владыка Мстислав объяснил это решение давлением со стороны государственных органов. Шли последние, самые тяжкие годы «хрущевского гонения», начало которого совпало с рукоположением отца Михаила.

Пережить новый удар было нелегко. Но и он оказался промыслительным в жизни будущего архиепископа Вологодского. Вернувшись в Ленинград, отец Михаил сдавал экзамены в духовной академии, на заочном отделении которой учился одновременно со службой в Устюжне, принялся писать кандидатскую диссертацию «Состояние римско-католической экклезиологии к началу II Ватиканского Собора». В это время на блестяще образованного и талантливого священника обратил внимание митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим. Узнав, что отец Михаил остался без прихода, владыка употребил свое влияние, чтобы добиться разрешения оставить его при академии преподавать латинский язык. Студенты тех лет вспоминали о непривычно высокой требовательности нового латиниста. Вскоре он стал преподавать историю и разбор западных исповеданий, получил звание доцента и был назначен деканом факультета африканской христианской молодежи, учреждение которого помогло владыке Никодиму спасти академию от угрожавшего ей закрытия.

Минул лишь год после защиты отцом Михаилом кандидатской диссертации, когда митрополит стал настойчиво предлагать ему должность ректора академии при условии монашеского пострига и хиротонии в епископский сан. Отец Михаил, у которого росли две дочери, не ощущал призвания к монашеству и в течение нескольких месяцев не давал согласия. В конце концов митрополит Никодим, к которому владыка до последних своих дней испытывал глубочайшее уважение, сказал ему: «Отец Михаил, уклоняясь от монашества и тем самым от ректорства, вы совершаете предательство по отношению к Церкви». После этих слов, вспоминая владыку, он понял, что не может противиться воле Божией.

При наречении во епископа Тихвинского, викария Ленинградской епархии, архимандрит Михаил сказал: «Я смотрю на предстоящее мне служение как на труд, как на великое, но тяжелое служение во славу Господа Бога нашего и Его Святой Церкви. Он — Свидетель, что меня не утешают и не ободряют ни величие и блеск архиерейского сана, ни связанная с ним власть. Знаю я, что всякое служение Господу есть подвиг и что подвиг архиерейский самый тяжелый. Я предстою перед этим архипастырским собором, как бы перед всей Церковью, а перед Церковью — как бы перед Самим ее Основателем и Главою, и слышу голос Его, говорящего: «Кого Мне послать? и кто пойдет для Нас?» — со смирением склоняю главу свою и отвечаю, как ответил пророк Исаия: Вот я, пошли меня! (Ис. 6:8)»[4].

Хиротония состоялась 6 ноября 1966 года в Троицком соборе Александро-Невской лавры. Возглавил ее митрополит Ленинградский и Ладожский Никодим; принимали участие архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Гавриил (Огородников), восемь лет назад рукополагавший нового епископа в диаконский и иерейский сан, архиепископ Минский и Белорусский Антоний (Мельников), епископ Вологодский и Великоустюжский Мелхиседек (Лебедев), ректор Московских духовных академии и семинарии епископ Дмитровский Филарет (ныне митрополит

Минский и Слуцкий, Патриарший экзарх всея Беларуси), епископ Зарайский Ювеналий (ныне митрополит Крутицкий и Коломенский).

Новому ректору, назначенному на этот пост определением Священного Синода от 8 октября 1966 года, удалось в очень трудное для Церкви время вдохнуть в академию новую жизнь. Однако во главе духовной школы он стоял менее двух учебных лет. 30 июля 1968 года епископ Михаил был указом Священного Синода назначен на Астраханскую кафедру. Решение это было неожиданным и довольно болезненным для владыки, отдававшего академии все свои силы.

В 1977 году владыка Михаил был возведен в архиепископское достоинство, а в конце 1979-го переведен управлять Вологодской епархией, где два десятилетия назад начиналось его служение Церкви в священном сане. Вологодская епархия (как и Астраханская) была одной из самых маленьких — 17 приходов. Зато отсюда владыке было легче ездить в Ленинградскую духовную академию, чтобы читать там лекции. Этому занятию он не оставлял все годы своего епархиального служения, подготовив за это время несколько учебных пособий (отпечатанные на пишущей машинке руководства по совершению богослужений и таинств исповеди и крещения), защитив в 1972 году магистерскую диссертацию об основах православной сотериологии («Учение о личном спасении по Священному Писанию и Преданию Православной Церкви») и заняв с 1976 года кафедру профессора основного богословия.

Лекции владыки Михаила наряду с безупречной логической последовательностью в изложении материала радовали слушателей увлекательными экскурсами. Он старался воспитать из своих студентов людей творческих, знатоков не только церковной, но и светской культуры, способных во всеоружии отстаивать Христову веру от нападков атеистического окружения. На экзаменах был строг, но требовал не формальной зубрежки, а самостоятельности мышления. Воодушевлялся, если студент сообщал ему какой-нибудь новый для него интересный факт: тут же, бывало, извлекал из кармана подрясника потрепанную записную книжку и старательно заносил туда это сообщение.

Взыскателен был владыка и к подведомственному духовенству в своей епархии. Однако и здесь проявлялись те же его качества: он ценил и поощрял творческую инициативу, старался, насколько мог, защитить деятельных священников от гонений и неприятностей. И никогда не унижал личного достоинства зависимых от него людей.

Не совсем обычным было совершаемое им богослужение. Следуя примеру митрополита Никодима, он благословлял чтение Евангелия, Апостола и паремий на русском языке по синодальному переводу. Заменял некоторые наиболее непонятные выражения в богослужебных текстах. Громко произносил вслух евхаристические молитвы. Владыка стремился донести каждое слово, каждую

мысль церковной службы до ума и сердца человека, стоящего в храме. И всегда с глубокой верой, с особой убежденностью и осмысленностью звучали из его уст слова богослужебных чинопоследований. Он не «вычитывал», он молился.

Однажды владыка пришел в кафедральный собор Рождества Богородицы вскоре после начала вечернего богослужения. Молодой, недавно рукоположенный священник читал пред царскими вратами светильничные молитвы и, увидав «боковым зрением» архиерея, смутился: надо же, наверно, открыть царские врата, чтобы тот проследовал в алтарь? Архиепископ вошел диаконскими дверями, а после службы тихо и наедине сделал клирику внушение: «Что это вы там вертелись на солее, когда я пришел?» «Владыка, я...» «Вы ведь должны были в это время молиться, то есть с Самим Богом беседовать. Что освобождает от надобности как-то реагировать на появление нижестоящего начальства в лице архиерея. Молишься — молись, пусть вокруг хоть мир рушится».

Владыка Михаил был ярким проповедником Евангелия. Он неизменно говорил о главном: о Христе и о спасении. И всякий раз его проповедь — очень разная в словесном выражении в зависимости от аудитории — была благовестием радости. Радости верить, радости знать Бога и любить Его, радости быть прощенным, усыновленным и любимым Им. Владыка говорил прекрасным русским языком (хотя и несколько суховатым, он не любил красоты и елейности), его проповедь была безукоризненно выстроена. Но сила ее воздействия была не в том. Проповедник говорил от своего опыта, говорил о том, что было ему бесконечно дорого и действительно составляло весь смысл и радость его жизни.

К возвещению слова Божия владыка призывал и своих клириков. Пожалуй, ничем другим нельзя его было так порадовать, как хорошей проповедью. В то время, когда возможности церковной миссии ограничивались храмовой оградой, он старался использовать их в максимально возможной мере. Крестные ходы вокруг храма в престольные праздники и в дни Светлой седмицы — а в Вологодской епархии был заведен обычай крестных ходов и во все воскресные дни до отдания Пасхи — сопровождались при каждой из четырех остановок не только привычными молитвословиями с окроплением святой водою, но и проповедями, желательно — не более чем из двух-трех предложений. Пример подавал сам владыка, но то же ожидалось и от сослужащего духовенства; получив кропило в руки, священник понимал, что и некий плод уст от него также ожидается.

Последние годы жизни в епархии были для владыки и радостны, и грустны. С одной стороны, появились новые, совершенно немыслимые прежде возможности. Церковь обрела свободу. Был упразднен институт уполномоченных Совета по делам религий, ушла в прошлое тягостная зависимость от безбожной власти, которая всячески стремилась вмешиваться в церковную жизнь.

Никто больше не пытался диктовать архиепископу, кого можно, а кого нельзя рукополагать в священный сан, кого и куда назначать на служение, а ведь на упорную борьбу с подобным давлением раньше у владыки уходило немало сил. Количество приходов епархии за несколько лет увеличилось втрое, восстанавливались заброшенные храмы и строились новые. Устраивались воскресные школы для детей. Проводились разнообразные катехизические занятия для взрослых. Возобновилась монашеская жизнь в Спасо-Прилуцкой обители. Открылось епархиальное духовное училище. Появилась возможность издавать церковную газету, печататься в светских изданиях, вести регулярную передачу по областному телевидению, распространять духовную литературу. Владыка читал лекции в педагогическом институте, возглавлял многотысячные крестные ходы через весь город, посещал новые и старые приходы, освящал храмы.

Одно из последних богослужений в пределах оставляемой им епархии, пасхальную вечерню в 1993 году, он совершил в вологодском Софийском соборе, где никогда не бывал прежде, считая это не совместимым с достоинством Церкви. «Я не могу прийти в мой кафедральный собор в качестве туриста. Если я туда войду, то не как посетитель музея, а вместе с верующими, чтобы совершить службу», — говорил он задолго до того, когда такая возможность представлялась, мягко говоря, маловероятной.

Но одновременно с этими новыми радостями владыку настигала старость и физическая немощь, с которой он не хотел мириться. Особенно мучительной была прогрессирующая слепота. И еще угнетала его необходимость добывать для епархиальных нужд материальные средства, что стало в то время одной из важных задач как приходского священника, так и архиерея. Владыка органически не мог научиться ладить с «нужными людьми», искать «спонсоров». Действительно, все это не вязалось с его обликом настоящего князя Церкви, далекого от внешнего процветания, но ничуть не умалившегося в благородстве и достоинстве.

Устав, принятый Поместным Собором Русской Православной Церкви 1988 года, требовал от архиерея по достижении 75-летнего возраста подавать в Священный Синод прошение об отставке. Владыке к той поре было 76. Он исполнил, что полагалось, и получил в ответ просьбу продолжать полезную для Церкви архипастырскую деятельность. Пять лет спустя определением Священного Синода от 22 февраля 1993 года архиепископ Вологодский и Великоустюжский Михаил был освобожден от управления Вологодской епархией с увольнением на покой и выражением глубокой благодарности за архипастырские труды, которые он нес, несмотря на возраст и болезни. Вместе с тем Священный Синод просил владыку продолжать научно-богословскую и педагогическую деятельность в Санкт-Петербургской духовной академии. Указ архиепископ Михаил получил вместе с теплым личным письмом Святейшего Патриарха Алексия II, в котором архиепископу было предложено оставаться в епархии до конца Великого поста и в последний раз встретить Пасху вместе с клиром и паствой.

Помимо преподавания в академии (до лета 1999 года, когда он в больничной палате в последний раз принимал экзамены) владыка по возвращении в Петербург выступал с регулярными лекциями по богословию на одной из городских радиостанций, давал многочисленные интервью разным изданиям, ездил с лекционными курсами в Новгород и Старую Руссу по приглашению архиепископа (ныне митрополита) Льва, вел занятия по Закону Божию для детей в петербургской гимназии Peterschule, читал лекции еще в нескольких учебных заведениях в Москве и в Петербурге. Несмотря на все это, у архиепископа Михаила оставалось чувство недостаточной загруженности, он считал, что в новых условиях церковной жизни должен успеть сделать как можно больше для открытой проповеди христианства и передачи богословских знаний. Надо отметить, что все свои лекции, посвященные самым различным темам, владыка в этот период готовил и читал, не прибегая к каким-либо книгам и запискам: к тому времени он был уже почти полностью слеп.

Преодолевая особенно горькую для столь книжного человека утрату зрения, владыка Михаил мужественно продолжал литературные труды: подготовил к печати читавшийся им несколько десятилетий апологетический курс лекций по основному богословию[5], надиктовал своему бессменному личному секретарю С.Н. Тетюшевой (1940-2005) несколько содержательных богословских статей, а также книгу «Русская православная церковность»[6], которая представляет собой плод многолетних раздумий автора и, по его собственному определению, «попытку правдиво обрисовать некоторые явления церковной жизни с точки зрения их соответствия основной задаче Церкви Христовой — звать, направлять и вести людей к Богу, в жизнь вечную, дарованную нам Сыном Божиим Иисусом Христом».

В начале своего пребывания на покое архиепископ Михаил совершал богослужения и проповедовал в храме духовной академии. Потом был назначен почетным настоятелем храма святого пророка Божия Илии на Пороховых с правом совершать в нем службы, что было возможно для владыки, когда ему удавалось обеспечить прибытие автомобиля и сопровождающего лица. В 1998 году он окончательно лишился такой возможности. С тех пор он причащался святых Христовых таин преимущественно в академической церкви, где также изредка приглашался к сослужению владыке ректору.

Конец земным скорбям настал тихо. Господь удостоил владыку христианской кончины, о какой все мы просим, — безболезненны, непостыдны, мирны. Последним гостем архипастыря — менее чем за час до внезапно наступившей смерти — был петербургский историк профессор С.Л. Фирсов, который познакомил владыку с новообретенными архивными документами о деятельности В.Н. Мудьюгиной в составе Александро-Невского братства[7].

Церковный путь архиепископа Михаила закончился 1 марта 2000 года там же, где начинался более чем за восемь десятилетий до того. Владыку отпевали в Троицком соборе Александро-Невской лавры. Собралось более 20 священников, не только петербуржцев, но и прибывших из Вологодской и Новгородской епархий. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир, возглавивший чин погребения в сослужении с ректором академии епископом Тихвинским Константином (ныне архиепископ Курганский и Шадринский), огласил телеграмму Святейшего Патриарха Алексия II, в которой была дана высокая оценка архипастырскому служению почившего. Была оглашена и телеграмма с соболезнованиями ректору академии от председателя Отдела внешних церковных связей митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (ныне Святейшего Патриарха Московского и всея Руси). В ней были особо подчеркнуты заслуги почившего богослова в области духовного образования и его «большой личный вклад в межхристианское сотрудничество».

Похоронили владыку Михаила на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, неподалеку от могилы митрополита Никодима и от памятного креста святителя Вениамина. Десятилетие кончины архиепископа Михаила 28 февраля 2010 года было отмечено заупокойной молитвой, которую в храме Санкт-Петербургских духовных школ во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова возглавил их ректор епископ Гатчинский Амвросий в сослужении преподавателей и студентов в священном сане. Тогда же в Федоровском просветительском центре при петербургском храме святых новомучеников и исповедников Российских, где владыка не раз молился в последние годы жизни, состоялся вечер, посвященный его памяти. Здесь прозвучали церковные песнопения на музыку архиепископа Михаила; с речью выступил профессор Санкт-Петербургской духовной академии протоиерей Владимир Сорокин. Многие участники встречи, включая и представителей других христианских конфессий, поделились дорогими для них воспоминаниями о проповедническом даре, глубокой церковности и живой вере почившего.

Трудами почитателей архиепископа Михаила, в том числе заведующего аспирантурой Санкт-Петербургской духовной академии священника Константина Костромина, к этой памятной дате были подготовлены издания ряда сочинений покойного богослова, включая первую часть его магистерской диссертации[8].

Работа по подготовке к печати творческого наследия архиепископа Михаила продолжается и в настоящее время. А яркая личность этого выдающегося проповедника и богослова, свидетеля страданий и славы Русской Православной Церкви, величественного и вместе с тем предельно скромного в повседневной жизни архипастыря-бессребренника, единому Господу служившего не щадя живота своего, остается дорогою для многих, особенно же воспитанных им учеников Санкт-Петербургских духовных школ и всех, кто имел преимущество быть с ним знакомым.

Вечная ему память!

[1]. См.: Антонов В.В. Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы) // Минувшее. Вып. 15. М.; СПб., 1993; Антонов В.В. Александро-Невское братство и тайные монашеские общины в Петрограде // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. Вып. 23; Шкаровский М.В. Александро-Невское братство: 1918-1932 годы. СПб., 2003. Деятельность братства, просуществовавшего до 1932 г., когда оно было окончательно разгромлено карательными органами, воссоздана в 2008 г.

[2]. См., в частности: Михаил (Мудьюгин), архиеп. Из воспоминаний о жизни ленинградских евангелическо-лютеранских общин перед их ликвидацией // Церковь Ингрии. 1993. № 3-4 (8).

[3]. Протоиерей Николай Чуков проходил тогда по «делу академика Платонова».

[4]. Речь архимандрита Михаила (Мудьюгина) при наречении во епископа Тихвинского // ЖМП. 1967. № 1. С. 22.

[5]. Михаил (Мудьюгин), архиеп. Введение в основное богословие. М., 1995.

[6]. Михаил (Мудьюгин), архиеп. Русская православная церковность. Вторая половина XX века. М., 1995.

[7]. См. последующую публикацию: Фирсов С.Л. Власть и верующие: из церковной истории начала 1920-х годов. По материалам архива ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области // Нестор. 2000. № 1.

[8]. Михаил (Мудьюгин), архиеп. Православное учение о личном спасении. Спасение как цель и как состояние / СПб., 2010; Разрозненные мысли вслух. Штрихи к портрету архиеп. Михаила (Мудьюгина) / Ред. свящ. К. Костромин. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2010.